

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2024-13-1-115-128>

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ, НАТУРАЛИЗМ И ОНТОЛОГИЯ*

МИХАИЛ БЕЛОУСОВ

Кандидат философских наук, доцент.
Российский государственный гуманитарный университет.
125993 Москва, Россия.
E-mail: mishabelous@gmail.com

Оппозиция трансцендентализма и натурализма играет ключевую роль в дискуссиях о сознании на стыке феноменологии и аналитической философии. С ней связан целый спектр исследовательских стратегий и программ. При этом противопоставление трансцендентализма и натурализма носит в этих программах, как правило, оперативный, а не тематический характер и опирается на две предпосылки: 1) Трансцендентализм и натурализм как традиции изначально чужды друг другу; 2) Ареной их противостояния является онтология. В статье предпринимается попытка проблематизировать эти предпосылки, исходя из одного исторического обстоятельства, которое, как мне кажется, обычно ускользает от внимания исследователей. Оно позволяет взглянуть на отношения трансцендентализма и натурализма, а также на роль онтологии в их противостоянии в несколько необычном свете. Обращаясь к текстам Канта, автор намерен показать, что впервые обосновываемый в них трансцендентализм является версией натуралистической онтологии, то есть своеобразно истолкованным натурализмом, отождествляющим природу с ее естественно-научной моделью и исключающим из онтологии конституирующую субъективность. Он строится не на натурализации феноменологии, а на трансцендентальной интерпретации естествознания. Перетолковывая экспериментальный метод в духе коперниканского поворота, Кант обосновывает аподиктический характер и безальтернативность онтологии природы посредством превращения природы в коррелят сознания и строгого ограничения основоположений математического естествознания пределами феноменального мира. В результате истинная тема философии — вещь в себе и сама трансцендентальная субъективность как то, что не может быть предметом опыта или частью феноменального мира — выводится за пределы онтологии. Тематизация натуралистических истоков трансцендентализ-

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФ № 23-18-00802 «Мир, язык, реальность: европейская и русская философия в концептуальном и терминологическом измерении». Впервые текст был представлен в виде доклада на конференции «Трансцендентальный поворот в современной философии — 8: метафизика, эпистемология, трансцендентальная когнитивистика и искусственный интеллект».

© МИХАИЛ БЕЛОУСОВ, 2024

ма и осуществляемого в его рамках выведения трансцендентального сознания за пределы онтологии обнаруживает, таким образом, проблематичность указанных предпосылок. Автор также демонстрирует, что, несмотря на существенные различия в понимании трансцендентальной философии и онтологии между Кантом и Гуссерлем, обозначенные мотивы — натуралистический характер онтологического фундамента и метаонтологичность трансцендентальной субъективности — сохраняют принципиальное значение для основателя феноменологии. Это позволяет сделать вывод о том, что онтология не является изначальной ареной противостояния трансцендентализма и натурализма, и обосновать компатибилистский тезис, согласно которому трансцендентализм совместим с онтологическим натурализмом.

Ключевые слова: трансцендентализм, натурализм, онтология, субъективность, феноменология, Кант, Гуссерль.

TRANSCENDENTALISM, NATURALISM AND ONTOLOGY*

MIKHAIL BELOUSOV

PhD in Philosophy, Associate Professor.
Russian State University for the Humanities.
125993 Moscow, Russia.
E-mail: mishabelous@gmail.com

The opposition between transcendentalism and naturalism plays a key role in discussions about consciousness at the confluence of phenomenology and analytical philosophy. Associated with it is a whole range of research programs. However, the opposition between transcendentalism and naturalism in these programs is, as a rule, operational and not thematic in nature and presupposes that 1) Transcendentalism and naturalism as traditions are initially alien to each other; 2) The domain of their opposition is ontology. The article attempts to problematize these premises based on one historical circumstance. Turning to the texts of Kant, the founder of transcendental philosophy, I intend to show that transcendentalism, which was first substantiated in them, is a version of naturalistic ontology, that is, a peculiarly interpreted naturalism that identifies nature with its natural scientific model and excludes constituting subjectivity from ontology. It is built not on the naturalization of phenomenology, but on the transcendentalization of natural science. Reinterpreting the experimental method in the spirit of the Copernican turn, Kant substantiates the apodictic nature and lack of alternative to the ontology of nature by turning nature into a correlate of consciousness and strictly limiting the principles of mathematical natural science to the boundaries of the phenomenal world. As a result, the true theme of philosophy—the thing in itself and transcendental subjectivity itself—is taken beyond the boundaries of ontology. The thematization of the naturalistic origins of transcendentalism and the removal of transcendental consciousness beyond the boundaries of ontology, carried out within its framework, thus reveals the problematic nature of these premises. The article also demonstrates that, despite significant differences in the understanding of transcendental philosophy and ontology between Kant and Husserl, the identified motives—the naturalistic nature of the ontological foundation and the meta-ontological character of transcendental subjectivity—remain of fundamental importance for the founder of phenomenology. This allows us to conclude that ontology is not the

* The publication was supported by Russian Scientific Foundation, project No. 23-18-00802 “World, language, reality: European and Russian philosophy in the conceptual and terminological dimension”.

original domain of confrontation between transcendentalism and naturalism and to substantiate the compatibilist thesis according to which transcendentalism is compatible with ontological naturalism.

Keywords: transcendentalism, naturalism, ontology, subjectivity, phenomenology, Kant, Husserl.

1. ВВЕДЕНИЕ

Проблема сознания относится к серой зоне, где встречаются феноменология и аналитическая философия. Эта территория оказывается не нейтральной, а, скорее, спорной: обе традиции борются за обладание ею и зачастую отстаивают свое исключительное право на очерчивание ее границ. Спорным при этом становится не только *философский* («феноменологический» или «аналитический») *инструментарий*, необходимый для правильной постановки и (возможного) решения проблемы сознания, но также то, является ли эта проблема *философским вопросом*, или же она, прежде всего, принадлежит позитивной науке, так что на долю философии остается лишь интерпретация эмпирических результатов научных исследований сознания и концептуальная проработка тех аспектов вопроса, которые пока еще не получили эмпирического решения¹.

Последний вопрос отсылает к противостоянию трансцендентальной философии (которой, по замыслу Гуссерля, является феноменология) и натурализма (различные версии которого широко представлены в аналитической философии сознания) — противостоянию, вокруг которого вращается большая часть дискуссий о сознании на стыке феноменологической и аналитической традиций. Оппозиция трансцендентализма и натурализма порождает множество исследовательских стратегий в рамках когнитивных наук, феноменологии и аналитической философии, крайними (и потому противостоящими друг другу) вариантами которых являются спекулятивная² и редукционистская³ программы, тогда как промежуточная, синтетическая позиция представлена различными попытками натурализации феноменологии (Mensch, 2010)⁴.

¹ См. публичный диспут «Онтология сознания: натурализм/трансцендентализм» (Patkul & Artemenko, 2015, 264).

² Примером спекулятивной стратегии могут служить работы А. Шнелля (cf. Schnell, 2019).

³ Об этом см., например, реплики Сергея Левина и Марии Секацкой в рамках публичного диспута «Онтология сознания: натурализм/трансцендентализм» (Patkul & Artemenko, 2015, 282).

⁴ К числу наиболее значимых работ, реализующих эту программу, относятся, в частности, тексты Д. Захави, Ш. Галлахера (Gallagher & Zahavi, 2008; Gallagher, 2003) и Ф. Варелы (Varela, 1996; Varela, 1997).

Воздерживаясь здесь от обсуждения продуктивности этих исследовательских программ, я бы хотел поставить вопрос о принципиальных предпосылках, определяющих как противопоставление, так и проекты синтеза трансцендентального и натуралистического понимания сознания. Огромные трудности, с которыми сопряжены современные попытки натурализации феноменологии, а также демонстрируемая ими «пропасть смысла»⁵, зияющая между трансцендентализмом и натурализмом, позволяют, по-видимому, указать на две предпосылки такого рода.

Во-первых, это изначальная гетерогенность трансцендентальной философии и натурализма в качестве традиций. Другими словами, представляется несомненным, что трансцендентализм и натурализм изначально чужды и, более того, совершенно противоположны друг другу. Историческим истоком натурализма являются, прежде всего, выдающиеся успехи математического естествознания, следствием которых становится натуралистическая абсолютизация естественно-научных методов и превращение философии в послушную служанку эмпирических наук о природе. Напротив, трансцендентализм ограничивает значимость естественно-научных методов и превращает природу в коррелят сознания, которое, таким образом, не может рассматриваться, как природа и требует, совершенно автономного — не зависящего от естественных наук — философского исследования.

Во-вторых, это *онтологический характер* решающего расхождения между трансцендентальным и натуралистическим пониманием сознания, который затрудняет или даже принципиально ограничивает разработку соответствующих синтетических методологий. Иначе говоря, кажется само собой разумеющимся, что ареной противостояния трансцендентализма и натурализма является онтология, понятая как истинное описание структуры реального мира (Patkul & Artemenko, 2015, 245, 249, 282). Трансцендентализм указывает на онтологическую гетерогенность сознания и природы, между тем как натурализм стремится ее устранить, разрабатывая, в первую очередь, различные редукционистские стратегии и обосновывая тем самым единство и универсальность онтологии природы.

В статье предпринимается попытка проблематизировать (но ни в коем случае не опровергнуть) обе предпосылки, исходя из одного исторического обстоятельства, которое, как мне кажется, обычно ускользает от внимания иссле-

⁵ Согласно известному тезису Гуссерля, «между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла» (Husserl, 2009, 151).

дователей. Это обстоятельство позволяет взглянуть на отношения трансцендентализма и натурализма, а также на роль онтологии в их противостоянии в несколько необычном свете.

Обращаясь к текстам Канта — родоначальника трансцендентальной философии, — я намерен показать, что впервые обосновываемый в них трансцендентализм является версией *натуралистической онтологии*, то есть *своеобразно истолкованным натурализмом*, отождествляющим природу с ее естественно-научной моделью и исключаящим из онтологии конституирующую субъективность. Тематизация натуралистических истоков трансцендентализма и осуществляемого в его рамках выведения трансцендентального сознания за пределы онтологии обнаружит, таким образом, проблематичность обеих предпосылок, на которые я указал выше. Будет также продемонстрировано, что, несмотря на существенные различия в понимании трансцендентальной философии и онтологии между Кантом и Гуссерлем, обозначенные мотивы — натуралистический характер онтологического фундамента и метаонтологичность трансцендентальной субъективности — сохраняют принципиальное значение для основателя феноменологии.

2. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ НАТУРАЛИЗМ

Кант предпринимает попытку «изменить прежний способ исследования в метафизике, а именно совершить в ней полную революцию, следуя примеру геометров и естествоиспытателей» (Kant, 1994b, 26). Коперниканский поворот предполагает «метод, подражающий естествознанию», который «состоит в следующем: найти элементы чистого разума в том, что может быть подтверждено или опровергнуто экспериментом» (Kant, 1994b, 26). В самом генезисе трансцендентализма как он описан здесь Кантом, весьма неожиданно обнаруживается натуралистический мотив, разрыв с которым, казалось бы, и определяет существо трансцендентализма — построить философию по образцу экспериментального метода естествознания. Трансцендентализм, подобно натурализму, как он определен Гуссерлем в «Философии как строгой науке», возникает «как следствие открытия природы — природы в смысле единства пространственно-временного бытия по точным законам природы» (Husserl, 2005, 192). Во всяком случае, трансцендентализм возникает из *определенным образом перетолкованного натурализма*.

Последняя оговорка необходима, поскольку напрашивающееся — собственно натуралистическое — понимание тезиса Канта о подражании есте-

ственно-научному методу в философии увело бы нас в совершенно ложном направлении. Подражание естественно-научному методу, конечно, не означает, что трансцендентальная философия в кантовском смысле должна стать эмпирической наукой или даже ее методологической тенью — своего рода призраком умершей метафизики. Напротив, это подражание конституировало оригинал, ибо призвано было показать истинный смысл естественно-научного метода, который сами его авторы, как кажется, вовсе в него не вкладывали. По Канту, суть экспериментального метода заключается в том, что он предвосхищает природу и как бы конструирует искусственные условия опыта, вместо того чтобы заимствовать условия опыта из самого опыта, то есть согласовывать антиципации природы с самой природой (Kant, 1994b, 21–22). Благодаря этому разум может заставить природу отвечать на *его собственные* вопросы и, таким образом, относится к ней не как школьник к учителю, а как судья к свидетелю (Kant, 1994b, 21–22). Тем самым

естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти вперед согласно постоянным законам и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу, так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон и нуждается в нем. (Kant, 1994b, 21)

Поскольку Кант приписывал законам природы необходимость⁶, он сделал отсюда вывод, что, так как опыт не может давать знания необходимости, не законы природы согласуются с природой благодаря тому, что они заимствованы из опыта, а природа согласуется с законами природы, совершенно априори вложенными в нее человеческим рассудком (Kant, 1994b, 24). Необходимость этих законов состоит поэтому в том, что они суть непогрешимые, аподиктические предвосхищения, поскольку не опыт делает их возможными (а взять законы природы из природы можно только эмпирически (Kant, 1994c, 54)), а они делают возможным опыт, и, следовательно, не согласующийся с ними опыт (а значит, и предмет опыта) просто невозможен (Kant, 1994b, 123). Но именно принципиальная невозможность несоответствия опыта этим предвосхищениям (законам природы) показывает, что они, выражаясь феноменологически, есть лишь смысловое образование, чисто вложенный смысл (ведь априори, полагает

⁶ Конечно, речь идет прежде всего об априорных законах, так называемых основоположениях, вытекающих из категорий, и лишь во вторую очередь о собственно эмпирических законах, необходимость которых состоит только в их априорной форме, а не эмпирическом содержании (Kant, 1994b, 167–173).

Кант, нельзя заимствовать у вещей, а можно только вложить в них (Kant, 1994b, 24)), который не существует «в себе» и есть только коррелят сознания (Kant, 1994c, 53–54). Что касается вещи в себе, то принцип коперниканской революции, в соответствии с которым не знание согласуется с предметом, а предмет со знанием, не может иметь для нее силу (она потому и в себе, что не зависит от знания), и оттого она не подчиняется законам природы, тогда как природа, таким образом, есть лишь феномен (Kant, 1994b, 634) или смысловое образование познающей субъективности.

«Подражание» естественно-научному методу предполагает тем самым натуралистическое отождествление природы и опытной действительности вообще с природой в естественно-научном понимании⁷, приобретающее, однако, как бы перевернутый смысл благодаря тому, что теперь не естественно-научное понимание природы совпадает с природой, а, наоборот, природа совпадает с ее естественно-научным пониманием (не наука соответствует природе, а природа науке) (Molchanov, 2004, 10). Отказ от этого отождествления делал бы неизбежным допущение эмпирического происхождения законов природы и, как следствие, растворение природы в психологической игре ассоциаций на юмовский манер — у Юма сама законосообразность природы, то есть «закон единообразия природы» оказывается всего лишь привычкой (Hume, 1996, 160). Натурализм, таким образом, неизбежно ставит нас перед выбором между трансцендентальной философией и психологизмом, выбор же этот очевиден, так как трансцендентализм позволяет сохранить объективность и истинность законов природы — они остаются общезначимыми и необходимыми, совершенно объективными для мира опыта⁸, — а психологизм — нет. Иначе говоря, математическое естествознание утверждает нечто о природе, и то, что оно утверждает — так думал Кант — есть аподиктическая истина (Kant, 1994c, 28). Эмпиризм уничтожает эту аподиктичность и сводит законы природы к субъективной игре ассоциаций, следовательно, истинный натурализм — это трансцендентализм. Истинные натуралисты, другими словами, — это мы.

Здесь становится очевидной довольно необычная дилемма, перед которой Кант ставит своих читателей. Если законы природы (или то, что пре-

⁷ Ср. в этой связи определение физического, данное Сергеем Левиным в ходе диспута по онтологии сознания: «...физическое определяется так: то, что может быть описано наилучшей физикой настоящего или идеальной физикой будущего» (Patkul & Artemenko, 2015, 282).

⁸ Законы природы как условия возможности опыта истинны для всякого возможного опыта, а не просто для действительного опыта. В последнем случае была бы неизбежна дурная (психологическая) субъективация этих законов в смысле эмпиризма (*esse est percipi*).

тендует на их статус) заимствованы у самих предметов, то они субъективны именно потому, что заимствованы у предметов, то есть поскольку эмпиричны и, следовательно, представляют собой всего лишь игру ассоциаций. Если законы природы не заимствованы у предметов, то они субъективны именно потому, что не заимствованы у них, а приписаны и предписаны им *a priori*. Но во втором случае субъективное также и объективно, поскольку *общезначимо* и дает гарантию на *всякий возможный опыт*, позволяя различать субъективные и объективные, истинные и ложные суждения в пределах мира опыта, тогда как в первом — нет. Общезначимость и необходимость *a priori* позволяет преодолеть обыденный релятивизм и психологизацию предметных и смысловых связей, к которой ведет эмпиризм юмовского толка. Во втором случае мы хотя и не познаем вещи сами по себе, но, по крайней мере, познаем наше отношение к ним и их отношение к нам, иначе говоря, познаем отношение неизвестного X, скрывающегося за многообразиями ощущений, ко всякому возможному разумному существу или корреляцию субъективности и вещей самих по себе (Kant, 1994с, 122–126).

Отсюда следует, что «юмова проблема» — в том виде, в котором она была воспринята Кантом, — затрагивает не только метафизику с ее претензией на синтетическое априорное познание предметов за пределами опыта, но и объективную значимость естественных наук. В самом деле, «обычный», то есть нетрансцендентальный натурализм предполагает эмпирическое обоснование законов природы, а последнее, как показал Юм, делает как раз невозможным различие психологических (ассоциативных) и объективных (природных) связей. Эмпиризм оборачивается не натурализацией сознания, а психологизацией природы. Поскольку натурализм, таким образом, *противоречит* эмпиризму, он требует *априорных критериев* для проведения указанного различия. Предоставить такие критерии и тем самым преодолеть *необходимо связанные* с эмпиризмом скептицизм и психологизм — значит *гарантировать*, что опыт, не согласующийся с предвосхищением *необходимой связи* между ощущениями, *невозможен*, причем невозможен не в психологическом смысле, а в том отношении, что такой опыт будет лишен *объективного значения*. Следовательно, это значит показать, что предвосхищение *необходимой связи* (например, причинно-следственной связи, или связи, образующей единство объекта из множества ощущений) есть *условие возможности опыта*. Опыт, не согласующийся с условиями собственной возможности, становится просто невозможен, и возражение Юма отпадает. Принцип коперниканской революции применяется здесь к соответствию между опытом и предвосхищением *необходимой связи*,

делающей опыт объективным (понятия, содержащие в себе эту необходимую формальную связь опыта, Кант называет категориями (Kant, 1994b, 640)). Не предвосхищение соответствует опыту, а опыт соответствует предвосхищению, не законы природы согласуются с природой, а природа согласуется с законами природы, *a priori* (совершенно независимо от всякого опыта) предписываемыми ей человеческим рассудком. Если же опыт не соответствует предвосхищению, он оказывается как бы незаконным, то есть лишается объективности и потому является не опытом в собственном смысле, а хаотической совокупностью ощущений или субъективной игрой ассоциаций. Например, сновидение отличается от истинного опыта тем, что в нем не действует или может не действовать закон причинности (тут уместно привести пример, при помощи которого Декарт в конце «Размышлений» характеризует критерии различения сна и яви: если бы, говорит он, передо мной неожиданно кто-то возник и столь же внезапно исчез так, что я не знал бы, ни откуда он явился, ни куда канул, я с полным правом счел бы его привидением и призраком, возникшим в моем мозгу, а не реальным человеком (Descartes, 1994, 71)). Поэтому различие между реальным и иллюзорным опытом заключается не в его эмпирическом (воспринимаемом чувствами) содержании, а в соответствии или не соответствии опыта априорным формальным связям: «...различие между истиной и сновидением устанавливается не из свойства представлений, относимых к предметам, так как они у обоих одинаковы, а из соединения их по правилам, определяющим связь представлений в понятии объекта, и поскольку они могут сопричастствовать в опыте или нет» (Kant, 1994c, 46). Как условия возможности опыта, необходимые связи не могут иметь своим источником опыт, ведь тогда не опыт соответствовал бы им, а они бы соответствовали опыту, и аргумент Юма снова обретал силу. Категории и есть искомые критерии различения субъективных и объективных суждений в мире опыта (в терминологии Канта — суждений восприятия и суждений опыта), которые эмпиризм не в состоянии предоставить (Kant, 1994c, 57–59). И хотя «явления суть не вещи сами по себе, а лишь игра наших представлений, которые в конце концов сводятся к определениям внутреннего чувства» (Kant, 1994b, 627–628), то есть совокупность ощущений, которые осознаются и принадлежат сознанию, а не вещам, взятым безотносительно к сознанию и знанию, объективность этой игры заключается в правилах, с которыми она должна согласовываться, чтобы вообще быть игрой: правила не определяются ходом игры и не зависят от действий участников — напротив, правила определяют ход игры и действия участников в качестве правильных (объективных суждений опыта) и неправильных (субъективных суж-

дений восприятия), причем неправильные не являются собственно игровыми действиями подобно тому, как гол, забитый из офсайда, не есть гол. Поскольку, если следовать Канту, мы имеем дело в опыте лишь с многообразием ощущений и не можем обратиться к предметам напрямую, минуя эти многообразия, отнесенность различных ощущений к *одному объекту* может состоять только в их *необходимой (нерасторжимой, следовательно, неассоциативной, неэмпирической, априорной и притом синтетической) связи*, представляющей собой формальное (упорядочивающее содержания опыта, или ощущения) правило рассудка (Kant, 1994b, 629–630). В свете сказанного становится ясно, почему «эмпирическая дедукция категорий», то есть эмпирическая интерпретация законов природы, являющаяся предпосылкой обычного натурализма, «не согласуется с действительностью наших априорных научных знаний, а именно с *чистой математикой и общим естествознанием*, и, следовательно, фактически опровергается» (Kant, 1994b, 124).

Как в этой связи вводится в игру понятие и проблема онтологии? В известном сочинении для Королевской берлинской академии об успехах метафизики сказано:

Онтология — это наука (часть метафизики), составляющая систему всех рассудочных понятий и основоположений, поскольку они относятся к предметам, которые даны чувствам и, следовательно, могут быть удостоверены опытом. Она не касается сверхчувственного, а ведь именно сверхчувственное есть конечная цель метафизики; поэтому онтология причисляется к метафизике только как пропедевтика, как преддверие подлинной метафизики и называется трансцендентальной философией, так как содержит условия и первые начала всякого нашего априорного познания. (Kant, 1994a, 379–380)

Это означает, что трансцендентальная философия как критика возможного познания есть не что иное, как *онтология природы*, ведь природа и чувственно воспринимаемый мир, предмет возможного опыта, тождественны для Канта (Kant, 1994c, 52–53). Следовательно, онтология природы должна при этом пониматься как единственно возможная, безальтернативная онтология, ибо выйти за пределы опыта, то есть природы, невозможно (Kant, 1994b, 149). Иначе говоря, невозможна онтология вещи в себе. Онтология вообще возможна только там, где действует принцип коперниканской революции, другими словами, где совпадают *ratio essendi* и *ratio cognoscendi*, а это означает, что нет никакой другой онтологии, кроме онтологии природы, полностью представленной в формах созерцания, таблице категорий и вытекающих из них основоположений чистого естествознания. Один из исходных тезисов трансцендентализма заключа-

ется тем самым в универсальности натуралистической (естественно-научной) онтологии. Вместо натурализации феноменологии мы имеем здесь дело с (если только можно позволить себе столь чудовищное выражение) трансцендентализацией естествознания. То, что не входит в естественно-научную онтологию, не может быть предметом возможного опыта и потому находится по ту сторону онтологии как непознаваемое, для непознаваемого же существует этика, а не онтология. Вне онтологии находится, следовательно, сама трансцендентальная субъективность, что в достаточной мере демонстрируется паралогами рациональной психологии (Kant, 1994b, 301–322). Трансцендентальная философия есть только онтология природы, а вовсе не онтология сознания, которое, напротив, должно быть исключено из онтологии или — как сознание в психологическом смысле, предмет внутреннего чувства — пониматься как обычный предмет природы, подчиняющийся ее общим основоположениям. В этом отношении она, как ни странно, согласуется с современным натурализмом в философии сознания, который, как правило, настаивает на *онтологической* гомогенности природы и сознания (Patkul & Artemenko, 2015, 282).

3. ПО ТУ СТОРОНУ ОНТОЛОГИИ

Итак, вопреки распространенному представлению, трансцендентализм исторически возникает как версия онтологического натурализма, которая приписывает аподиктичность только законам природы, отождествляет природу с ее естественно-научной моделью, исключает сознание из онтологии и провозглашает безальтернативность онтологии природы. Этот натурализм, однако, проводится столь радикально, что снимает сам себя и демонстрирует, что природа — это еще не все, это лишь феномен⁹ (натурализм, трансцендентализм и феноменология тут совпадают). Натуралистическая онтология строится не для себя самой, а для переноса экспериментального метода в метафизику, показывающего, что онтология ограничена природой, между тем как истинная тема философии находится по ту сторону онтологии, хотя и не как предмет и нечто познаваемое. С теоретической точки зрения это значит, что то, что составляет онтологию, само не может выступить в ней темой и не может быть ее частью. *Возможность опыта не есть возможный опыт.* Поэтому она не есть *предмет*

⁹ Впрочем, феномен как *всего лишь феномен*, равно как и соответствующая ему «феноменология», еще недостаточно феноменологичны, ведь феноменологически понятый феномен и есть сама вещь, то есть за ним не скрывается что-либо иное («вещь в себе»), не являющееся феноменом.

возможного опыта, то есть вообще не имеет предметного существования. Таким образом, трансцендентальная субъективность *метаонтологична*. Иначе говоря, трансцендентальная философия, в отличие от натурализма, нейтрализует вопрос об онтологическом статусе сознания.

Из этого следует, что — если ориентироваться на Канта — онтология в указанном смысле вовсе не есть арена противостояния трансцендентализма и натурализма, и спор их не есть спор онтологический (хотя натурализм, в отличие от трансцендентализма, не в состоянии это понять). Кантовский трансцендентализм предоставляет всю онтологию, так сказать, в распоряжении натурализма и не оспаривает, а, наоборот, обосновывает невозможность какой-либо иной онтологии, кроме онтологии природы. Он не противопоставляет, иначе говоря, онтологии природы онтологию сознания как некоторого региона, обладающего своими законами. То, чему он действительно противостоит, есть абсолютизация онтологии, или, выражаясь феноменологически, абсолютизация мира. В трансцендентальной перспективе онтология меонтически укоренена в том, что лежит по ту сторону онтологии, мира и природы¹⁰. Это означает, что онтология, то есть мир, конституируется не-сущей — не являющейся частью мира — трансцендентальной субъективностью. Ее небытие следует в таком случае понимать не как модус или противоположность предметного (мирского) бытия, а как то, что, находясь по ту сторону этого бытия, делает бессмысленным *вопрос* о предметном существовании и мирском статусе трансцендентального сознания. Другими словами, дело вовсе не в натуралистическом или ненатуралистическом *ответе* на вопрос о «месте» сознания в мире, а в иррелевантности *самого вопроса*, поскольку — в той мере, в какой он касается трансцендентального сознания, — он уже предполагает его мирское существование.

Гуссерль следует этой тенденции несмотря на выстраивание региональных онтологий, которое показывает, что онтология природы вовсе не является универсальной онтологией и, например, сознание есть совершенно другая онтологическая область, где действуют принципиально иные онтологические законы, нежели в природе (Husserl, 2009, 45–48, 61–64). Принцип редукции, тем не менее, демонстрирует, что все дело не в онтологической гетерогенности сознания и природы, а в том, что трансцендентальная субъективность находится по ту сторону иерархии онтологий, то есть не принадлежит миру (*omninitudo realitatis*) как единству разнородных онтологических регионов (Husserl,

¹⁰ Меонтический характер трансцендентальной субъективности был тематизирован в работах О. Финка. Об этом см., в частности, исследования Е. А. Шестовой (Shestova, 2018, 393–396) и Х. Р. Зеппа (Sepp, 1998).

2009, 20–22). Поэтому трансцендентальное сознание не есть психика, которая, напротив, есть всего лишь слой реальности в живом существе как существе, принадлежащем, по крайней мере, двум различным и в то же время взаимосвязанным онтологиям — онтологии природы и онтологии души (Husserl, 2009, 167–172). Сохраняющийся при выстраивании региональных онтологий принцип иерархичности говорит о том, что хотя онтология природы вовсе не есть универсальная онтология, она есть фундаментальная онтология (не в хайдеггеровском смысле), так как природа есть регион, в котором все другие регионы фундированы *онтологически* (хотя фундирование совсем не означает сводимость) (Husserl, 2009, 64, 118–119). Именно поэтому в «Идеях I» Гуссерль называет природу трансценденцией в первоначальном смысле: если я посредством эпохе подвесил бытие природы, то я тем самым вывел из игры и сознание в психическом и психологическом смысле, которое трансцендентно через необходимую причастность трансценденции природы (Husserl, 2009, 168–171). Трансцендентальная субъективность и природа, или, лучше сказать, трансцендентальная субъективность и мир не суть, как это сформулировал Финк, бытийные противоположности (Fink, 1988, 157) и, как ни странно, именно в этом заключается основная проблема с натурализацией феноменологии. Эта проблема указывает на то решающее обстоятельство, что «*феноменолог не выносит свои суждения онтологически*» (Husserl, 2009, 479). Следовательно, хотя и существуют региональные онтологии, трансцендентальная феноменология, как и кантовская трансцендентальная философия, не есть онтология сознания.

Отсюда ясно, что онтология не есть арена, или, по крайней мере, не есть изначальная арена противостояния трансцендентализма и натурализма. Это позволяет даже сформулировать своеобразный вариант компатибилизма в отношении этой антиномии. Трансцендентализм *совместим* с онтологическим натурализмом без какого-либо синтеза. При этом приведенные рассуждения предполагают определенное понимание онтологии, продуктивность которого, конечно, может быть поставлена под вопрос. Но, в конечном счете, на первый план здесь выходит другой вопрос: может ли философия быть ограничена лишь миром или она становится философией по мировому понятию только тогда, когда обращается к тому, что данность мира превосходит?

REFERENCES

- Descartes, R. (1994). *Collected works. Vol. 2.* Rus. Ed. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
- Fink, E. (1988). *VI. Cartesianische Meditation. Teil 1. Die Idee einer transzendentalen Methodenlehre* (Husserliana-Dokumente Bd. II/1). Dordrecht: Kluwer.

- Gallagher, S. (2003). Phenomenology and Experimental Design. *Journal of Consciousness Studies*, 10 (9–10), 85–99.
- Gallagher, S., & Zahavi, D. (2008). *The Phenomenological Mind*. London: Routledge.
- Hume, D. (1996). A Treatise of Human Nature, Being an Attempt to Introduce the Experimental Method of Reasoning into Moral Subjects. In *Sobranie sochineniy. Tom 2* (53–655). Rus. Ed. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
- Husserl, E. (2005). Philosophy as a Rigorous Science. In *Izbrannyye raboty* (187–240). Rus. Ed. Moscow: Territoria budushchego Publ. (In Russian)
- Husserl, E. (2009). *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. First Book. General Introduction to a Pure Phenomenology*. Rus. Ed. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Kant, I. (1994a). *Collected Works. Vol. 7*. Rus. Ed. Moscow: Choro Publ. (In Russian)
- Kant, I. (1994b). *Critique of Pure Reason*. Rus. Ed. Moscow: Choro Publ. (In Russian)
- Kant, I. (1994c). Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Present Itself as a Science. In *Sobranie sochineniy. Tom 4* (5–152). Rus. Ed. Moscow: Choro Publ. (In Russian)
- Mensch, J. (2010). The Question of Naturalizing Phenomenology. *Annual for Phenomenological Philosophy*, II, 302–317.
- Molchanov, V.I. (2004). Experience, Space and Thing in Itself. To the Difference of Analysis and Interpretation in “Critique of Pure Reason”. *Filosofiya Kanta i sovremennost'. Materialy mezhdvuzovckoi konverencii*, 4–11. (In Russian)
- Patkul, A., & Artemenko, N. (2015). Public Debates “Ontology of Consciousness: Naturalism vs. Transcendentalism”. *Horizon. Studies in Phenomenology*, 4 (1), 240–307. (In Russian)
- Schnell, A. (2019). *Was ist Phänomenologie?* Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
- Sepp, H.R. (1998). Medialität und Meontik — Eugen Finks spekulativer Entwurf. *Internationale Zeitschrift für Philosophie*, 1, 85–93.
- Shestova, E. (2018). Speculative Reasoning in E. Fink's Meontic Phenomenology. *Horizon. Studies in Phenomenology*, 7 (2), 391–413. (In Russian)
- Varela, F. (1996). Neurophenomenology: A Methodological Remedy to the Hard Problem. *Journal of Consciousness Studies*, 3 (4), 330–350.
- Varela, F. (1997). The Naturalization of Phenomenology as the Transcendence of Nature. Searching for Generative Mutual Constraints. *Alter*, 5 (4), 355–381.